

— Триста семьдесят два трупа, а еще три собаки, две свиньи и шесть зеленохвостых птичек. Судя по направлению ран, их глубине и технике ударов, здесь работало не меньше десяти профессиональных убийц.

Завершив отчет, молодой господин в пурпурных одеждах брезгливо покачал головой. В руке он всё еще держал окровавленную, грубо оторванную кисть — во взгляде его читалась то ли жалость, то ли крайнее отвращение.

— Этот меч вонзили в ворота намеренно, — продолжил он. — Будь это один точный удар, разрез в дереве остался бы ровным. Но посмотрите на эти рваные края: клинок вбивали грубой мощью, навалившись в несколько рук. Вывод однозначен: Хоу Сяовэнь к этому делу не причастен.

— То есть вы лишь подтверждаете, что Хоу не явился сюда лично? — любопытно спросил Мо Наньфэн, вытянув шею, чтобы получше рассмотреть улики.

— Это...

— У меня другой вопрос, — не унимался Наньфэн. — Если это обычная вражда в мире боевых искусств, зачем убийцам втыкать в ворота личный меч Ин Сыиня, который он носил в те годы?

— Ну...

— Мир велик, но найдется ли в нем безумец, способный столь нагло и открыто подставлять Хоу?

— Видите ли...

— Если это сделал не сам Хоу, то наверняка — люди по его приказу, — Мо Наньфэн осторожно склонился к самому уху господина в пурпурном и заговорщицки зашептал. — Я бы на вашем месте не спешил с выводами. В Поднебесной каждый знает: вырезать семьи под корень — это излюбленный почерк Ин Сыиня.

— Раз у почтенного брата столь безупречная логика, не желаете ли сами заняться расследованием? — Он вложил свой складной веер в ладонь Мо Наньфэна и, подражая его манере, вкрадчиво шепнул в ответ: — Позволю себе дружеский совет: за клевету на Хоу в этих краях казнят до девятого колена.

Мо Наньфэна пробрала дрожь. Он поспешно отступил на шаг, принимая оборонительную стойку, и сунул веер обратно владельцу.

— Казнить так меня! При чём тут мои девять колен?

Обладатель пурпурных одежд прикрыл лицо веером и негромко рассмеялся. Затем он указал на Шэнь Цинханя, который осматривал тела с куда большим рвением, чем профессиональный коронер.

— Похоже, тот юноша интересуется мертвецами больше, чем я.

— Наш Цинхань за любое дело берется всерьез, — при упоминании Шэнь Цинханя Мо Наньфэн весь подобрался, не скрывая гордости.

— Цинхань? — Он вновь внимательно окинул юношу взглядом. — Неужели это тот самый младший ученик Чжэньжэня Сими с гор Куньлунь — Шэнь Цинхань?

— Вы слышали о нем?

— Имя Шэнь Цинханя гремит повсюду. И в лесах, и в храмах поговаривают, будто он — краса, не имеющая равных. Но сегодня я вижу... — Он брезгливо усмехнулся и сокрушенно качнул головой.

— Что это за мина? Хотите сказать, наш Цинхань недостаточно хорош собой?

— Хорош? — изумился тот. — Использовать слово «хорош» для его облика... Эх, сразу видно недостаток образования. К такой внешности применим лишь один образ...

— И какой же?

— Лишь пион — истинная краса Поднебесной; расцвет его потрясает столицу.

— Это еще что значит?

— Это значит — он прекрасен.

— Господин Сыма, Господин Шан пришел в себя.

Пока двое «ценителей» всю обсудили внешность Шэнь Цинханя, к ним подошел мужчина в черном халате с золотым шитьем. Он почтительно поклонился человеку в пурпурном.

— Господин Шан Лююнь ранен, ему трудно передвигаться. Он просит вас пожаловать к нему, чтобы обсудить, как лучше доложить о случившемся во дворец.

— Веди, — пурпурный господин мгновенно посерьезнел. Он подобрал полы халата и последовал за стражем.

— Господин Сыма? — пробормотал Мо Наньфэн. — Откуда мне знакомо это имя?

— Сыма Вэйхоу, верный пес Ин Сыиня, — ответил Шэнь Цинхань, не поднимая головы. — Когда-то Ин Сыинь боролся с нынешним императором за трон, и этот Сыма был его главной опорой. Потом Хоу почему-то уступил власть и ушел в тень, а Сыма Вэйхоу, судя по всему, остался в Имперской столице его глазами и ушами.

— Цинхань, я же просил: не называй имя Ин Сыиня так беспечно, — Мо Наньфэн прижал палец к губам. — Здесь повсюду люди императора. Услышат — беды не оберешься.

— Беда больше, беда меньше — какая разница? Моя жизнь и так состоит из одних невзгод.

Шэнь Цинхань видел свою судьбу яснее, чем кто-либо другой. Мо Наньфэн лишь болезненно морщился, слыша подобные слова, и в который раз давал себе клятву: что бы ни случилось в этом мире, он сбережет покой Шэнь Цинханя.

***

Сыма Вэйхоу вошел в задние покои, помахивая веером. Увидев, что Шан Лююнь пьет лекарство, он, несмотря на разницу в возрасте, не выказал и тени уважения.

— Ой-ой-ой, — протянул он насмешливо. — Проиграть мальчишке на глазах у всех и иметь наглость лечить царапины? Будь я на вашем месте, давно бы нашел колонну покрепче и расшиб себе лоб.

— Господин Сыма изволит шутить. В мире боевых искусств таланты рождаются один за другим, и мощь молодого поколения — добрый знак.

— О как? Какая высокая осознанность, Господин Шан.

— Вчера я получил тайное письмо от Хоу. Хоу велел мне во всем полагаться на ваше решение. Сегодняшние события...

— Сегодняшние события — явная попытка подставить Хоу. Хм... — Сыма Вэйхоу сложил веер и холодно усмехнулся. — Смелости им не занимать. Видимо, Хоу слишком долго был в затворничестве. Шесть лет — достаточный срок, чтобы всякая шваль забыла страх и начала копать под него.

— Вы уже знаете, кто это сделал?

— Конечно, знаю... — Сыма Вэйхоу вскинул бровь и смерил Шан Лююня косым взглядом. — И вы, к слову, тоже знаете.

— Я догадывался об одном человеке, но...

— Но Хоу был к нему так добр, что вы не понимаете, зачем ему это?

— Прощу Господина Сыма наставить меня.

— Оставим наставления. Меньше знаешь — крепче спишь, — Сыма Вэйхоу усмехнулся и направился к выходу. — Отдыхайте. С годами вы растеряли пыл. Помню, десять лет назад, уступи вы кому хоть в малом, не спали бы ночами, пока не взяли реванш. А сейчас? Хоу не нужны бесполезные развалины.

Шан Лююнь долго смотрел в спину уходящему Сыма Вэйхоу. Он опустил взгляд на свою правую руку, медленно сжал её в кулак и разжал. Снова сжал и снова разжал. Он тяжело вздохнул.

***

Луна над Городом Легкого Инея была полной и яркой, но всё же не могла сравниться с холодной красотой пейзажей Куньлуня.

Мо Наньфэн с кувшином вина запрыгнул на крышу. Его прекрасный друг лежал на черепице, подложив руки под голову, и замороженно смотрел на ночное светило.

— Цинхань, выпьешь?

— Что за вино?

— Крепкое, «Шаодаоцзы». Аромата почти нет, но жжёт — будто лезвие глотаешь.

— И всего один кувшин? — Шэнь Цинхань искоса взглянул на него.

— Лавочник сказал, оно бьёт в голову со страшной силой, потому больше одного в руки не давал. Если брезгуешь пить из горла после меня, пей первым.

— Не буду.

— Тогда... — Мо Наньфэн смущенно почесал в затылке. Его слова прозвучали так, будто он набивается в собутыльники ради близости, но он клялся себе, что лавочник и впрямь продал лишь один кувшин. — Спуститься за чарками?

— Садись просто так. Не до вина сейчас, завтра важный день, — Шэнь Цинхань приподнялся и похлопал по месту рядом с собой. — Сыма Вэйхоу знает, что мы пришли за мечом, и обещал

отдать его завтра. Но у меня есть свои мысли по поводу этой резни. Я остаюсь.

— Хочешь раскрыть дело?

— Раскрыть? — Цинхань горько усмехнулся. — Разве в этом мире кто-то посмеет — или сможет — расследовать дело против Ин Сыиня?

— Цинхань, почему ты так уверен, что это его рук дело?

—... — Юноша промолчал. Вопрос отозвался в его сердце ледяной пустотой. Он не мог объяснить это словами, но стоило помянуть этого демона, как Шэнь Цинханю начинало казаться: всё зло мира берет начало в этом человеке.

— Моя семья в Северной пустыне, я мало знаю о делах столицы и Ин Сыиня. Здесь каждый твердит, что Ин Сыинь — злодей и тиран. Но ты ведь знаешь мой характер: пока сам не увижу — не поверю. Дед учил, что даже глаза могут лгать, а уж чужие речи и подавно.

Мо Наньфэн обхватил колени руками и посмотрел на друга. Глаза Шэнь Цинханя сияли ярче звезд в этой бескрайней вышине.

— Но с тобой всё иначе. Цинхань — моё небо и моя земля. Цинхань — моя жизнь. В то, что скажешь ты, я поверю без оглядки.

— Не говори чепухи, — Цинхань закатил глаза.

— Я от чистого сердца!

— Тогда слушай: Ин Сыинь — худший человек в подлунном мире.

— Значит, Ин Сыинь — худший человек в мире! — с готовностью поддакнул Мо Наньфэн, расплывшись в довольной улыбке, будто и не он только что выражал сомнения.

Шэнь Цинхань никому не открывал своей боли. Даже Мо Наньфэну. Это было его бремя, и чем меньше людей о нем знали, тем лучше. Он мечтал, чтобы никто, кроме него самого, не помнил того дня.

Ин Сыинь скрылся с глаз шесть лет назад. Но в годы, предшествующие его затворничеству, он не знал меры в своих злодеяниях. Шэнь Цинхань помнил: стоило ему встретить своё десятилетие, как этот демон лично явился в поместье великого генерала Шэнь Мо. С мечом наголо, открыто и дерзко.

Алый паланкин, залитый кровью клинок... Цинхань тогда лишь слышал смех Ин Сыиня, даже не зная, как тот выглядит. Триста жизней его родных — как и сегодня в поместье Пошуй — угасли в одно мгновение, без единого стога.

Как он выжил? Шэнь Цинхань уже и сам не помнил. Десять лет на Куньлуне он точил свой клинок. Десять лет его сердце обрастало льдом, более глубоким и холодным, чем снежные шапки гор. Вся его суть превратилась в месть. Как убить Ин Сыиня, как отомстить за род Шэнь — кроме этого в его голове не осталось ничего.

Иногда в памяти вспыхивало море огня. Если рука его хоть на миг дрожала, он наотмашь бил себя по лицу.

Зачем помнить лишнее?

Когда Ин Сыинь падет, всё закончится.

<http://bllate.org/book/17523/1650113>